

Саймон Дитон

Император прослезился

Высадка произошла очень давно. Адепт-биологис Иероним Роттл помнил, как его в свое время поразили струи пара и газовые пузыри, плавающие в нижних слоях атмосферы как кусочки творога в скисшем молоке. Раскаленные облака нависали над расположенными тут и там на озерах поднимающейся из ядра магмы платформами-фабриками. Он помнил испещрившие мрачную поверхность планеты тектонические разломы.

Это было так давно.

Он помнил челнок, летящий над широким тягучим северным морем, черным, застойным, медленно катящим свои гниlostные волны. Помнил генеторное учреждение, тянущееся из тумана к бледному солнцу подобно варварскому тотему Омниссии. Это было все, что он помнил о своем прибытии сюда.

Ведь это было так давно.

После установки разъемов в кору головного мозга Роттл не мог вспомнить, почему его перевели сюда с химических отстойников Марса. Но ему и не нужно было помнить. Хватало логического рассуждения: его перевод стал следствием некой причины. Так или иначе, связанной со служением благословенной Машине.

Он помнил, что в информатории челнока не нашлось ни идентификационного кода исследовательского лабораториума, ни данных о существовании самой планеты. Как будто похожее на крепость строение висело в холодном космосе: его можно было увидеть и изучить, но невозможно было понять, как оно там оказалось.

Во время долгого путешествия с Марса ходили разные слухи. Краем своего единственного органического уха Роттл как-то слышал, что у планеты нет официального названия. Оно было давно стерто из записей эксплораторов, карт Имперского Флота и либраниев Терры по приказу высшей инстанции Адептуса Терра, самих Верховных Лордов Терры. Даже Инквизицию убедили забыть о существовании этой планеты. Единственная запись сохранилась на Марсе, глубоко в древнейших информационных центрах, скрытых глубоко под железными склонами Олимпа. Слухи утверждали, что Адептус Механикус — единственные хозяева этого генеторного учреждения. Как и безымянной планеты, на которой оно располагалась.

Один болтливый инициат, еще не прошедший улучшения нервной системы и сохранивший большую часть своей человечности, сказал Роттлу, что планета когда-то была Миром Умбракогга. Назвали этот покрытый скалами, пламенем и ядом шар в честь паломника, поселившегося здесь после того, как несколько тысяч лет назад планету открыл эксплораторский флот Магестехникум. Но никто не знал, почему мир взяли под свою руку Адептус Механикус. Другой инициат, до дрожи боявшийся церебральной реконфигурации,

рассказал Роттлу, что название Умбракогг было нужно лишь для того, чтобы напомнить горстке населяющих планету людей, что они живут in umbra Coга, в переводе на низкий Готик «в тени Шестерни», где таятся самые опасные знания Омниссии. Возможно, новичок несет бред, подумал Роттл. Церебральная реконфигурация наносила урон плоти. По мнению Роттла, знание не нуждалось в именах; намерения Омниссии ведомы Ему самому, и знать об этом вполне достаточно всем остальным.

Все, чего хотел Иероним Роттл — это приступить к работе. Нет более возвышенного поклонения Омниссии, чем освящение цистерны с генетическим материалом с помощью двоичного псалма, священная механострация технобдения или возжигание благословенного люмосфоида. Роттл не стремился овладеть знанием сам; он хотел лишь славить знание Омниссии, почитать и сохранять в неприкосновенности данные.

С момента приземления челнока он больше никогда не видел этих инициатов. Они быстро исчезли в нижних уровнях учреждения. Несколько лет спустя архимагос биологис Вэйвор скажет Роттлу, что инициаты были превращены в контролирующих сервиторов, важнейшие детали охранной сети научно-исследовательской станции. Роттл запишет эту информацию в архив памяти. К тому времени он уже перестанет придавать значение существам из плоти.

Иероним Роттл — всего лишь слуга Омниссии.

Единственное, что имеет значение — это работа.

И у него была такая работа.

На этой никому не известной планете, в безымянной крепости-лабораториуме Механикус, Иероним Роттл создавал Пожирателя Жизни.

Пожиратель Жизни. Одно из священных орудий Экстерминатуса, Убийцы Миров, ужаснейшего приговора, выносимого Святыми Ордосами Имперской Инквизиции населению планет, заслужившему своими преступления против Трона Терры полного, тотального уничтожения. Разрушения всей планеты.

Именно на этой планете слуги Адептус Механикус производили вирус Пожирателя Жизни для больших флотов сегментума Обскурус. Хот я в те времена для осуществления Экстерминатуса широко применялись циклонные и инсинераторные торпеды, и даже некоторые члены Инквизиции по причинам, которые уже давно были Механикус непонятными, осуждали использование Пожирателя Жизни, магосы биологис Адептус Механикус все еще создавали это одно из самых потрясающих вооружений древней Терры. Архимагос биологис Вэйвор не раз повторял, что плоть несовершенна, а то, что ее уничтожает, воистину является восхвалением Омниссии.

И они славили Омниссию непрерывным производством. Подобно сосудам учреждение пронизывали теплообменные элементы и трубы для отвода токсичных отходов, выбрасывающие ядовитые отходы в загрязненную атмосферу и гниющее море. В защищенных

лабораториях, некоторые из которых были даже окружены пустотными щитами, иссохшие генеторы создавали то, чего никогда не смогли бы создать естественные биологические процессы.

Их ядовитые творения производились и хранились в герметично запечатанных емкостях, которые рядами стояли вдоль нависающих над мертвым океаном галерей. В камерах фильтрации и смешения к многочисленной контролирующей и поддерживающей машинерии были напрямую подключены сервиторы. Их органика быстро разрушалась под воздействием едких токсинов, и, несмотря на прочность стали и тканей из пластека, многие из них выходили из строя уже через несколько дней после начала работы.

Вживление разъемов в мозг лишило Роттла знаний не только о том, почему он покинул Марс, но и о том, как он стал частью этого великолепного процесса. Согласно расчетам, работая в генетории Марса, он прошел некую проверку, или, возможно, получил повышение в должности. Сразу после прибытия его назначили ответственным за контроль над хорами чистоты, удерживающими токсины Пожирателя Жизни в пассивном состоянии во время производства.

Также он занимался калибровкой генных цистерн и зажиганием люмосфойдов, следя, чтобы органика не испортилась — все во славу благословенного имени Омниссии. Роттл не обращал внимания на возможный риск. Слава Омниссии превыше всего.

Однажды адепта-биологис Иеронима Роттла повысили до магоса биологис. Он понял это по изменению своего статуса, когда подключался к центральной инфосети. Он не помнил, когда это произошло.

Он помнил, как архимагос биологис Вэйвор сказал, что понимание риска лежит в непосредственной близости от осознания собственной личности, а члены Механикус — всего лишь крошечные зубья в мельчайших шестернях всеобъемлющего творения Бога-Машины. И история Роттла началась именно в тот момент слабости, когда он осознал себя. Это было секундное проявление немногой оставшейся у магоса человечности, которое выжгло ее остатки.

Он давно уже бросил попытки исчислять время в стандартных имперских единицах — годы, дни, часы, и так далее, поскольку время давно стало лишь мерой созревания, развития и генетической обработки вируса. Но что Иероним Роттл действительно помнил, так это то, что попал сюда задолго до того, как наконец отринул свою человечность.

* * *

Галерея цистерн, с обеих сторон обрамленная большими выпуклыми окнами из оргстекла, проходила сквозь весь шпиль. Несмотря на бушующие снаружи воздушные потоки, в галерее свист ветра был едва слышен. Роттл осмотрел одну из цистерн, проверяя узлы воспламенения и правильность генетической сборки. Из-за освещения воздух казался желтым. Расположенные глубже в галерее цистерны и котлы скрывала тьма, но здесь свет от

мерцающего оргстекла заставлял предметы отбрасывать резкие тени.

Внезапно освещение изменилось. На спину Роттла и на пол перед ним упала тень. Он развернулся, сервоприводы взвизгнули от непривычной скорости. В памяти всплыли наставления Вэйвора: шестерням Бога-Машины нужна лишь священная точность, и не нужна быстрота. Роттл не привык к скорости.

Сквозь оргстекло можно было увидеть левиафана, приближающегося к строению в потоках восходящего воздуха. Левиафаны были местными животными. Большие, наполненные газом пузыри позволяли этим огромным существам размером с грузовой челнок подниматься в верхние слои атмосферы, за пределы загрязненной ее части. Вэйвор говорил, что они безопасны, как вымершие киты Терры. Они питались обитающими в горячих восходящих потоках крилионами — микроскопическими бактериями, которые синтезировали менее ядовитые загрязняющие вещества и токсины. Это позволило левиафанам жить и процветать, в отличие от многих вымерших из-за присутствия на планете человека видов. Никакой другой жизни не существовало, и Роттл иногда думал о такой стойкости слабой плоти с чем-то сродни удивлению. Или, по крайней мере, оставшиеся у него центры чувств принимали это за остаточные синаптические импульсы удивления.

Но этот левиафан умирал. Он погружался в тошнотворные потоки океанских токсинов. Его кожа отслаивалась и трескалась на глазах, пока он приближался к строению. Его газовые пузыри были раздутыми и опухшими, мертвенно бледными и уродливыми. Роттл наблюдал, как животное вращается вокруг своей оси, изгибаясь и мерцая в бледном свете солнца. Один из пузырей разорвался, выплеснув сгусток водянистой крови, затем еще один, и еще. Левиафан бросился на здание, как терпящий крушение орбитальный дирижабль.

В магосе биологис Роттле осталось очень мало от человека, но этого хватило, чтобы он почувствовал страх. Приводы в нижней части лица дернулись, отчего пластицидовые челюсти вздрогнули. Один аугметический глаз неестественно расширился, настраивая полированные линзы на приближающегося левиафана. Магос вычислил массу, ускорение, вращающий момент и траекторию. Его горло не использовало для дыхания рот, обонятельные и носовые фильтры неуклюже взвизгнули. Роттл уже давно утратил способность кричать.

Аугметические ноги пришли в движение, когда он вычислил наиболее вероятную траекторию полета и самое безопасное место. Усиленное оргстекло могло выдержать огонь из болтера, но не прямое попадание туши левиафана. Весь шпиль мог быть разрушен. Сервитор наверху продолжал бормотать бинарный катехизис, не сознавая неизбежности столкновения. Роттл прыгнул к выступу ближайшей цистерны с генным материалом.

Той крошечной части, что осталась в магосе от человека, оказалось достаточно — как раз, чтобы затуманить холодную четкость вычислений, внести ошибку в тщательно выверенную траекторию прыжка. Роттл врезался в цистерну. И хотя размером он был со среднего человека, весил он намного больше. Дюралевые элементы, пластицидовые и латкритовые ткани в сумме весили намного больше человеческой органики. Человеческая часть Роттла составляла лишь небольшую часть его массы. Импульс был огромным.

Цистерна пошатнулась, поколебалась, и вновь пришла в равновесие — опоры вновь встали на место, взревело и зашипело суспензорное поле. Роттл пошатнулся, почти утратив необходимую для действия функцию — сознание — и в его слуховые датчики ворвался звук удара.

В тот момент произошло то, чего магос никогда прежде не видел. Бездействующие ранее системы защиты шпиля с ревом пришли в действие, когда гироскопы навелись на приближающуюся цель. Несколько болтерных установок «Ураган», представлявших собой по три спаренных болтера каждая, открыли огонь, и в левиафана устремился яростный поток раскаленного металла. «Ураганы» вырывали из животного большие куски тухлого мяса, уничтожая существо бурей зарядов. На прицельных сканерах цель просто испарилась. Когда Роттл, дрожа и раскачиваясь, поднял взгляд, он ничего не увидел. Как не увидел и того, что с изъеденного реактивами края цистерны на пол упали три капли бездействующего Пожирателя Жизни. Вне стазис-поля вирус тут же пробудился.

— Чудо, — слабо выдохнул Роттл, поражаясь исчезновению левиафана. А затем потерял сознание, и вот тут начались настоящие чудеса.

* * *

Каньоны пролегали между зубцами шестерни. Они простирались до самого ее диска — большого плато, сделанного из железа. На этом отполированном огромном пространстве тут и там были видны возвышающиеся над горизонтом механизмы и машины. По розовому небу пятнами и полосами плыли облака медного цвета. Роттл увидел громаду горы Олимп, вздымающуюся выше, чем он мог поверить, а над ней, на странной орбите, едва поддающейся вычислению, была сама Терра, мерцающая сталью и хромом. Все медленно, неумолимо вращалось, являя собой совершенство забытого прошлого. Громкий лязг гигантских зубчатых колес и взаимная вибрация мельчайших механизмов сливались в грохочущий в вечность бинарный гимн.

Он наполнил Роттла жизнью. А то, что осталось от его смертного тела, разлагалось в испарениях Пожирателя Жизни.

Большая шестерня ускоряла свое невозможное вращение, ее зубцы трескали как вековой лед во всем простирающемся перед магосом мире. Древние машины грохотали и скрипели свою молитву Омниссии. Округлые поршни и огромные, увенчанные горгульями устья дымоходов изрыгали обширные облака благовоний. Бесконечные вытяжные линии с ревом выпускали в разреженную атмосферу перегретый воздух. Весь этот шум эхом отдавался среди железных опор, утесами возвышавшихся над магосом, и обширных хранилищ данных, вонзавшихся в небо подобно обсидиановым когтям.

И над всем этим разносилась молитва Омниссии, создаваемая звуками каждой шестерни и механизма; бесконечные последовательности зубцов, острых и тупых, иногда даже соединяющихся под невообразимо сложными углами, возносили хвалу — устами, созданными Богом-Машиной, как будто Омниссия лично изрекал двоичную истину самого знания.

Роттл попытался уловить смысл.

Бинарный грохот пропустил один удар и понизил тональность, приобретя странный диапазон и асимметричный ритм.

И тут с Иеронимом Роттлом заговорил Омниссия.

— Мой слуга, — разнеслись слова, — Ты пришел ко мне.

Приводы нижней челюсти магоса задрожали. Голос отказался ему служить.

А с бесконечно величественных машинных полей Марса продолжали раздаваться слова:

— Я наблюдал за тобой. Я пришел, чтобы решить твою судьбу. Я пришел, чтобы научить тебя слабости плоти.

Голос Роттла не мог соперничать с глубиной звука, издаваемого Омниссией. Магос смог лишь выдать из себя протяжное и жалкое «Да».

— Я пришел, чтобы показать тебе судьбу всей плоти, Иероним Роттл. Чтобы превратить твой Пожиратель Жизни в смерть всего живого, покрытого плотью. Чтобы показать тебе знание!

Слова Омниссии звучали странно возбужденно. Роттл понял: восторг чистой информации, прекрасных данных, совершенного знания.

— Конечно, Иероним Роттл, если ты будешь слушать.

Шейная опора Роттла изогнулась, когда он кивнул. Пучок поддерживаемых в хорошем состоянии мехадендритов почтительно замер, пока магос слушал. Пока его бранные останки растворялись в парах Пожирателя Жизни, Роттл узнал от Омниссии все.

* * *

— Чудо, — произнес приглушенный голос.

Слова Омниссии звучали странно возбужденно. Роттл понял: восторг чистой информации, прекрасных данных, совершенного знания.

— Конечно, Иероним Роттл, если ты будешь слушать.

Шейная опора Роттла изогнулась, когда он кивнул. Пучок поддерживаемых в хорошем состоянии мехадендритов почтительно замер, пока магос слушал. Пока его бранные останки растворялись в парах Пожирателя Жизни, Роттл узнал от Омниссии все.

* * *

— Чудо, — произнес приглушенный голос.

— Действительно, — согласился второй, понизив голос до свистящего шепота, — Но допустимо ли это? — Интонации стали похожими на шум электронных помех, как будто кто-то переключает каналы вокса.

— 2.05 процента, архимагос биологис Вэйвор. В его останках присутствует Лекс Органикум, он все еще человек. Кибернетика шасси и обслуживающие системы не нарушили его человечность.

— Это удивительно, адепт. Вероятность его выживания была меньше десяти в минус пятой степени. Математическое чудо — а я-то полагал, что Омниссия их не допускает.

— Господин? — в голосе адепта смешались удивление и недоверие. Слишком человечно, на взгляд Вэйвора.

— Омниссия действует лишь в рамках знания, — строго ответил архимагос. Это — беспрецедентный случай, но в числовой форме вполне допустимый. — Беспрецедентным этот случай стал лишь потому, что Святые Ордосы остались в неведении относительно случая с Роттлом и его восстановления. Другие «допустимые» инциденты уже случались — таком как расчленение открывателя Стрейнга на Круксе II или вознесение технопровидца Гелиопа — но Ордосы неизменно являлись к механикус и уничтожали все записи и свидетельства. Вэйвор редко сожалел о таких чистках, но это была напрасная трата техножрецов и магосов. Лишь Вэйвор знал об этих инцидентах по провалам в памяти, по именам без вещей, похожим на негативы древнего пикт-вора. Он знал лишь то, что Святые Ордосы работали против славы Омниссии, и что Умбракогг был одним из немногих мест в галактике, где такое чудо могло остаться в тайне, потому что мира просто не существовало в обширных записях Адептус Терра. Возможно, в этом и заключалось чудо: событие было тайным, допустимым.

— Следует ли нам продолжать?

— Да. Активируйте высшие нервные функции, — разрешил Вэйвор.

— Да будет так, во имя Омниссии.

Воздух наполнился статическим электричеством, загудели энергетические узлы. Тело Роттла теперь состояло в основном из керамики и стали, а его силовое ядро требовало для активации

мощного энергетического импульса. Оставшаяся плоть содержалась в контейнерах из эластичного стекла, изолирующих органы от энергетических полей силового ядра.

Хирурги учреждения отметили довольно странное состояние остатков плоти Роттла. Под действием Пожирателя Жизни она должна была превратиться в химическую суспензию, способную разложить большое количество костной ткани и более стойкого белка, такого как кератин или хитин.

Но остатки мягких тканей Роттла были странно эластичными, хотя и подгнившими. Хирурги не стали ломать над этим голову, поскольку предположили, что магос уже скончался. То, что осталась хоть какая-то плоть, было, возможно, самым большим чудом.

По мере нарастания мощности заряда капсулы из эластичного стекла начали подрагивать. По сводчатому аптекариону пронесся громкий низкий гул. Для Роттла это был шум сознания. Он вернулся в реальный мир, дрожа от боли собственного возрождения.

Свет был резким. Фокусируя глазные линзы, магос чувствовал, как по ним скользят светофильтры. Линзы двигались свободнее, чем прежде, словно были установлены на шаровых опорах или механодендритах. В фокус попали присутствующие. Одним из них был адепт, пока еще в большой степени связанный собственной плотью, чьи модификации ограничивались нейрокреплениями и разъемами, расположенными вдоль линии подбородка. Оба его органических глаза нервно смотрели на Роттла. Он был молод; на его бледном лице было слишком много человечности.

Вторым был архимагос биологис Вэйвор, облаченный в свое привычное просторное одеяние. Когда он говорил, из-под капюшона показывались голосовые отростки. Они извивались и колебались, словно выказывая что-то сродни любопытству или неуверенности.

— Магос биологис, — произнес Вэйвор, постаравшись сделать скрежет настолько тихим, насколько это позволяли голосовые отростки, — Добро пожаловать. — Он смотрел на адепта и кивнул. Адепт нажал на кнопку. Роттл заметил, как консольная конечность всплыла в поле периферийного зрения и погрузилась ему в грудь. Магос ожидал боли, но почувствовал лишь покалывание штекера для передачи данных. Роттл не знал, что там есть порт, но прежде, чем он почувствовал шок вторжения, прежде, чем глазные линзы вспыхнули удивлением, он был охвачен чистым удовольствием загрузки потока данных намного быстрее, чем когда-либо прежде. Все стало ясно.

В магосе биологис Иерониме Роттле осталось меньше человечности, чем в большинстве сервиторов, но он оставался человеком. Он сохранил чувства, а его человечность хранилась в контейнерах из эластичного стекла, укрепленных на керамитовом шасси. Подобная изоляция человечности была... освобождающей. Магос удовлетворенно подвигал приводами челюсти.

А затем вернулась память. Память о горе Олимп, странной орбите Терры над полями машинерии, обращенном к Омниссии Марсианском гимне поршня-и-шестерни, и самом Омниссии — все это хлынуло в сознание Роттла потоком данных, который рванулся наружу

через штекер и разрушил большинство силовых узлов.

В черноте глубокого капюшона архимагоса биологис Вэйвора вспыхнуло целое созвездие аварийных индикаторов, оптических сфер и визуальных датчиков. Архимагос пристально осматривал распростертое перед ним тело Роттла.

— Магос биологис, — прошипел Вэйвор, — Что это значит? — указал он на дымящиеся силовые узлы и шипящий штекер в новом порту Роттла.

Одновременно с возвращением сознания и воспоминаний о видении Роттл ощутил нечто сродни восторгу — и именно с восторгом он понял, что его воспоминания через штекер перешли в местную системную сеть. Теперь они существовали независимо от его разума, слились с машинным духом аптекариона. Вэйвор тоже приобщился к этому великолепию, и знал ответ еще до того, как его озвучил магос.

— Мое чудо, архимагос, — тихо произнес Роттл. Омниссия говорил со мной.

— Я... — Вэйвор умолк, его звуковоспроизводящее устройство издало скептическое низкое рычание, — ясно!

— В грохоте священной машинерии Марса мне открылась идея, великая тайна. Омниссия передал мне знание из забытого прошлого. Я могу улучшить Пожиратель Жизни, повелитель. Сделать его совершенным. Я был благословлен откровением чистого знания, которое мог даровать лишь Омниссия. Я могу сотворить мгновенное уничтожение наших врагов, отнять у них саму жизнь, прекратить существование самой слабости бытия.

— Мы не обладаем технологиями для воспроизводства вортекс-оружия, магос, — ответил Вэйвор. — Использование такое оружия на планете вызовет угрозу, которую мы не в состоянии оценить. Пожиратель жизни должен очищать, а не уничтожать. Наша цель — истребить жизнь, а не вещество.

— Это я и имею в виду, архимагос. Новый Пожиратель будет забирать только жизнь, и не будет трогать ни вещество, ни любое создание материума. Он погасит саму искру жизни и уничтожит лишь те создания, чье существование позволяет классифицировать их как живых!

Архимагос умолк, тихо защелкали механизмы, затем раздалось шипение стравливаемых хладагентов. Вэйвор вычислял вероятности, возможности, решения и сценарии.

— Саму искру жизни?

— Да, господин.

— От богоподобного Астартес до ничтожнейшего жителя подулья?

Роттл кивнул своими чувствительными оптическими датчиками. Ощущение было странным.

Из-под просторного одеяния Вэйвора снова раздалось шипение хладагентов.

— От величественного орла в небе Терры до мельчайшего организма в океанских глубинах?

Роттл снова кивнул, поняв, что архимагос цитирует Катехизис Очищения. Он знал, что прозвучит далее.

— От высшего сознания до животных инстинктов — истребление всего живого?

— О, да, повелитель, — уверенно ответил Роттл, — я могу пообещать истребление всего живого. Пожиратель Жизни никогда не был столь голодным, каким я его сделаю.

Вэйвор обрабатывал данные о ситуации, из-под его плаща с шипением вырывался хладагент. Так как он являлся архимагосом, его системы были напрямую подключены к системам учреждения. Машинный дух аптекариона передавал ему те же образы, что представляли перед глазами Роттла.

Архимагос кивнул, при этом с края его капюшона сорвались струйки стравленного газа.

— Похоже, твое чудесное выживание, магос, является частью чего-то большего, намного более удивительного, — Вэйвор говорил спокойно и внушительно, его голос походил скорее на механическое карканье. Голосовые придатки словно сглаживали каждое слово. — Наша цель — стремиться к знанию, восстановить древнее учение, выковать совершенство благословенной Машины, укрепить божественное величие самого Омниссии. Не так ли?

— Так, мой господин, — отозвался Роттл. Адепт хранил молчание.

Вэйвор продолжал оценивать ситуацию. Большинство хирургеонов и техномедиков не знали о состоянии Роттла. Они считали, что он превратился всего лишь в механический труп на службе Бога-Машины. Оставить Роттла в живых означало привлечь ненужное внимание, дать ему умереть — предать самого Омниссию. Но магос годами мог обитать в огражденной щитами лаборатории в ядовитых недрах учреждения, куда немногие смели войти без риска для жизни. Секреты Бога-Машины можно претворять в жизнь под покровом тайны, и однажды сорвать этот покров во имя и славу Императора. Никто не знал о восстановлении Роттла. Кроме адепта.

Голосовые придатки Вэйвора с шипением терлись друг о друга, пока он производил расчеты. Риск раскрытия Роттла, как и чудо его выживания, действительно был допустимым.

— Даю тебе свое разрешение, магос биологис Иероним Роттл. Продолжай свои исследования Пожирателя Жизни, — торжественно провозгласил архимагос.

— Спасибо, господин, — тихо произнес Роттл.

— Я гарантирую, что твоя работа останется тайной для Механикус. Я полагаю, тебя направляет Омниссия, а спас сам Император. Об этом не должен знать никто.

Челюстные приводы Роттла дернулись, словно он знал, что случится дальше. Из-под одеяния архимагоса показались механодендриты — хромированные щупальца, заканчивающиеся каждое своим инструментом: электропилой, штекером, щупом-анализатором, клинком глефы. Щупальца поднимались, извиваясь и беззвучно касаясь друг друга. Они поднялись над головой адепта, сплетаясь в тугую паутину из металла — а затем без предупреждения и какого-либо видимого усилия рванулись вниз, разделив его на влажные куски мяса и стали.

Теперь, кроме Вэйвора, о магосе биологис Иерониме Роттле не знал никто. Вообще никто.

* * *

С обзорной палубы "Отчаяния Императора" Бойня казалась висящей в космическом пространстве отполированной жемчужиной. Плотная, насыщенная аммиаком атмосфера отразила свет местного солнца, вспышка на миг затмила своей яркостью звездный ореол даже на расстоянии в тысячи километров. Сегментум Обскурус редко казался столь темным.

Обширные шахты, каждая из которых как колючка вонзалась в изломанную поверхность планеты, доходили до самого сверхтяжелого ядра. Население каждой шахты составляло миллиард людей: шахтеры, их семьи, технопровидцы, техножрецы и чиновники Администратума. И ни одна из шахт не работала уже несколько месяцев.

Бойню поразили чума и гражданская война. Ужасные страдания разрушили основы гражданского общества. Затем началась война, и выжившие после чумы перебили друг друга в междоусобном конфликте, когда континенты воевали друг против друга. Но прежде чем истребить самих себя, жители Бойни уничтожили остатки добытых богатств и сами шахты, благодаря которым и существовал их мир. Администратум направил прошение в Департаменту Муниторум, в свою очередь пославший своих эмиссаров в Святые Ордосы Терры. Ордо Еретикус взял дело под свой контроль и вынес окончательное решение: Экстерминатус. Именно поэтому "Отчаяние Императора" неподвижно зависло на высокой орбите. Бойню ожидало очищение.

Через несколько дней после вмешательства Ордо Еретикус, после череды астропатических контактов с Адептус Механикус и несколькими Орденами Адептус Астартес, решение стало претворяться в жизнь. "Отчаяние Императора" несло на борту новый экспериментальный штамм Пожирателя Жизни. Для принесения Милосердия Императора на заблудшую планету Бойня был избран орден Обрекающих Воинов.

Обрекающие Воины, чья благородная история уходила корнями в далекие тысячелетия, специализировались на кампаниях зачистки. Такие кампании приходились им по нраву из-за мрачного характера — как поговаривали, результата дефекта в каталептическом узле. Помимо

того, что Обрекающие Воины не спали, им не требовалось ни надежды, ни стимула для того, чтобы сражаться во имя Императора. Космодесантники этого ордена были угрюмы и замкнуты, их объединяло презрение к тем жителям Империиума, кто не мог увидеть безнадежность жизни в галактике. Самое близкое к радости ощущение Обрекающие Воины испытывали, упиваясь этой безнадежностью и погружаясь в кровопролитие и разрушение. Это были одни из самых грозных воинов в галактике.

Среди Обрекающих Воинов было немного космодесантников столь же суровых, как капитан Гриммер Слейн. Свет Бойни, летящей по своей одинокой орбите на расстоянии тысяч километров, переливаясь, играл на полудюжине штифтов за выслугу лет. Больше на лице Слейна свет не задерживался почти ни на чем. Густые брови нависали над глубоко посаженными глазами. Впалые щеки обрамляли тонкие губы над резко очерченной челюстью. Десятки шрамов давно сплелись в запутанную историю ранений и травм. Кожа была скорее похожа на выдубленную шкуру. Свет соскальзывал с лица космодесантника как пролитая вода. Он с сочувствием и смирением оглядел простирающуюся под ним планету. Он познал смерть и признавал ее необходимость, как и каждый Обрекающий Воин. С шипением ожил вокс.

— Капитан Слейн, — пробилось сквозь шум и потрескивание статики, — явитесь на пусковую галерею.

— Есть, — ответил он с тяжелым акцентом своего родного мира, — Иду.

— Отделение Канникса вернулось. Согласно их оценке, нужно продолжать. Запуск неизбежен.

Очищение миров было суровой необходимостью Империиума Человека, и Слейну уже приходилось ее осуществлять. Мардун X, Гефистакс, Трууб II и III, Кластер Стуум. Каждое из этих названий напоминало о том, что Милосердие Императора могло как дарить жизнь, так и отнимать ее, иногда у целых миров и систем разом.

Путь на пусковую галерею "Отчаяния Императора" был недолгим. Капитан в бледно-желтом силовом доспехе стремительно шел по кораблю мимо обслуживающих команд и вспомогательных сервиторов.

На входе в галерею Слейна встретило отделение Канникса. Сержант Канникс сотворил знамение аквилы, ударив перчатками доспеха по керамитовым нагрудным пластинам. Слейн повторил жест столь же сильно, а за ним знамение повторили и четверо оставшихся бойцов отделения. Несмотря на угрожающий вид шлемов модели Mk VII, Слейн ощутил братские узы, и благодарно кивнул. Космодесантники ступили внутрь, и перед ними раскинулись обширные пусковые галереи. Вдоль каждой из них проходила огромная металлическая труба, оснащенная буферной изоляцией, трубками охладителей и распылителями органики. На некотором расстоянии располагались ряды сервиторов, подключенных к каждому из больших цилиндров. Они предназначались для контроля целостности оболочки, прицеливания и расчета траекторий. Цилиндры служили направляющими для вирусных торпед.

— Докладывай, сержант Канникс, — произнес Слейн.

— Население мертво либо уже умирает, капитан, — голос Канникса транслировался непосредственно во вживленный приемник Слейна. — Оставшиеся в живых убивают заболевших еще до того, как те умрут сами. Еще они убивают друг друга и разрушают добывающую инфраструктуру планеты. Три шахты-улья уже обрушились в ядро планеты, и в течение нескольких дней их будет еще больше. Шахта-улей Могма'кран падет в течение нескольких часов, поскольку все укрепленные шпили уже обрушились. Ситуация критическая, капитан.

— Тогда давай начнем, сержант. — Слейн приготовился отдать команду к пуску. Этому мгновению предшествовали многие часы молитв. В воздухе висел густой запах благовоний.

Хотя Обрекающим Воинам было мало дела до того, что за вирус они запускают и какие это вызовет последствия, нашлись те, кого это заботило. К удивлению Слейна, двери помещения с шипением открылись.

Первым порог переступил орудийный магистр Након Тагор. Флотская униформа с укороченными эполетами и парчовыми вставками сидела на нем как влитая. Образ завершала фуражка на гладко выбритой голове. Перед гигантами-астартес он казался карликом, а его мрачность меркла перед их угрюмым видом. Слейну уже доводилось встречаться с этим офицером, поэтому на космодесантника не произвел впечатления его вид. Удивительным было его присутствие.

— Орудийный магистр, что за вмешательство? Только астартес сейчас имеют допуск на пусковую галерею. Протоколы пуска запрещают находиться здесь кому-либо еще, — Слейн спокойно смотрел на орудийного магистра, ожидая от него лишь исполнения своей воли. — Вернитесь на пост. Оставьте нас.

— Мой повелитель... — начал Тагор, но умолк, когда, сдвинув его с пути, в помещение продвинулся огромный сервитор. Изящные очертания и скошенные пластины обшивки делали его похожим на легкий дредноут, если бы такие существовали. Осторожная походка напоминала походку старика, но говорила о сложных внутренних механизмах. Это был не дредноут.

Он развернулся на поясной опоре передней частью к капитану Обрекающих Воинов. Плечевые пластины раздвинулись, обнажая мощную трапециевидную мышцу с утопленным в ней ошейником, на котором помещался пучок механодендритов, каждый из которых заканчивался каким-то датчиком. Не сервитор, но и не человек.

Ошейник разделился надвое и спустился к грудной клетке, открыв панель с голосовыми отростками. Отростки одновременно завибрировали, когда машина заговорила.

— Капитан Гриммер Слейн, уверяю Вас, наше присутствие санкционировано, — голос был грохочущим, перекачиваемым потоком бинарного кода, облеченного в форму слов. — Фактически нас попросил присутствовать капитан "Отчаяния Императора". Я — архимагос биологис Иероним Роттл из Адептус Механикус, преемник благословеннейшего архимагоса

биологис Нефариона Вейвора, да преумножит он экспоненциально великолепие Омниссии.

Слейн неприязненно уставился на жестянку из Механикус. Похоже, в этом существе была малая часть органики — после внимательного осмотра керамитовой обшивки капитан заметил емкости из тончайшего стекла, в которых содержалось доказательство человечности. Частицы плоти были выставлены напоказ, как знаки полномочий. Плоть разлагалась и гнила, будто была уже давно мертвой и существовала лишь для того, чтобы машина могла доказать свою человечность.

— Что вы здесь делаете? — холодно осведомился космодесантник.

— Друг мой, — зазвучала бинарная гармония голоса Роттла, — я пришел с миром, как, несомненно, каждый из нас. — Он указал на Бойню, видневшуюся через ближайшее обзорное окно, затем обвел рукой пусковую галерею. За спиной архимагоса находились несколько сильно аугметизированных адептов Механикус, техножрецов и сервиторов, а также несколько перебирающих лапами писцов-пауков и мерно гудящий сервочереп. — Вы знаете, что именно запускаете на Бойню?

— Пожиратель Жизни, — ответил Слейн.

Ответ Роттла прозвучал как цифровая какофония. Капитану показалось, что это смех. Еще один появившийся из заглубленного «ошейника», изогнулся в некое оригинальное подобие дисплея и выдал голографическое изображение фосфоресцирующей жидкости. Хотя изображение иногда дрожало и мерцало, жидкость была красивой, матово поблескивала и, казалось, ласкала внутренние стенки сосуда мягко и сострадающе. Она казалась живой, доброй и хорошей.

— Слезы Императора, капитан Слейн, — продолжил Роттл, — модифицированный Пожиратель Жизни, который атакует не мясо и кости, а искру самой жизни. Прежний Пожиратель Жизни поглощал белок, экспоненциально размножаясь и превращая все органические вещества в огне- и взрывоопасную жижу, сжигающую все необходимые для жизни элементы. Слезы Императора забирают саму жизнь. Полагаю, Вы согласитесь, что это более эффективный способ убийства, — со стороны свиты архимагоса раздался возбужденный гомон.

— Слезы Императора — прекрасное название, архимагос, — произнес Слейн, — Оно отражает великое сострадание нашего Бога-Императора. — капитан немного помедлил, желая закончить беседу. — Император защищает, — сказал он просто, скрестил руки и ударил перчатками в нагрудные пластины, сотворяя знамение аквилы.

— А еще Он уничтожает, — продолжил Роттл. Короткие цепкие щупальца взметнулись и собрались вокруг воротника в нечто похожее на большой гребень, — Приступим?

Слейн задался вопросом, станет ли капитан судна возражать против того, чтобы отделение Канникса изрешетило несколькими сотнями болтерных зарядов этого Роттла-машину, его свиту и орудийного магистра Тагора. Если бы помещение, в котором они все находились, не

было столь чувствительным к воздействиям, дерзость была бы наказана.

Но время пришло. Взревела молитвенная сирена, а вскоре ей начал вторить тяжелый перезвон пусковых колоколов.

Повсюду вокруг них, и вдоль пусковой галереи, сервиторы пробуждались от дремы-бездействия и начинали суетиться около огромных пусковых цилиндров. Отделение Канникса наблюдало за этим неподвижно и спокойно, а свита Роттла с трудом сдерживала любопытство. Особенно оживился сам архимагос биологис Иероним Роттл. Чтобы запечатлеть это мгновение, он развернул из своего «ошейника» несколько антенн и щуп с датчиками.

Улучшенное обоняние Слейна вскоре ощутило усиление запаха благовоний. В дальней камере зарядания проводились ритуалы чистоты. Пришла в действие вакуумная система, и внезапно из помещения был с большой скоростью откачан и заменен на новый весь воздух. Сервочереп Роттла, не готовый к такой буре, швырнуло на переборку и разбило на части. Архимагос был поглощен выполнением протоколов запуска, и не обратил на это внимания. Слейну было все равно.

Некоторые сервиторы замедлили вычисления, зная, что торпеды заняли свои места, а решения о целях уже приняты. Слезы Императора были готовы к запуску, и Слейн с мрачным удовлетворением подумал об образе плачущего Императора. Более слабый человек действительно мог бы заплакать, иронично подумал он, одновременно прикидывая вероятность ошибки оружейников. Новое оружие всегда было интересным, пока не заклинивало, не перегревалось или не было скопировано проклятыми Троном орками. Его размышления прервали грохот и дрожь.

Глубоко в недрах судна грохочущая ярость стремительно достигла пульсирующего, рвущего слух крещендо — и исчезла. Мягко подсвеченная вереница вирусных торпед начала свой быстрый спуск к Бойне. Снаряды блеснули в свете отдаленного солнца, сияющего в обрамляющей его черноте.

Торпеды погрузились в верхние слои атмосферы, словно в ртуть. Через обзорные окна пусковой галереи взрывы казались прекрасными, содержимое боеприпасов сверкало и переливалось в свете солнца. Хотя Слезы Императора вскоре затерялись в плотных частях атмосферы, эффект проявился немедленно. Из нижних слоев в космос вырвались большие темные облака неорганического вещества. Это были умирающие бактерии, жившие в насыщенной аммиаком атмосфере планеты. Поскольку формы жизни были тем сложнее и многочисленнее, чем ближе к поверхности планеты, темные облака растеклись по всей планете, как нефть по воде, заражая смертью каждую йоту жизни, изымая жизнь из всего сущего. Облака мертвой разлагающейся материи прорастали в космос, движимые энергией собственного уничтожения. Шахты-ульи затихли в течение нескольких секунд.

Бойня обрела покой.

Данные орбитального сканирования показали, что на планету снизошла смерть. Сервиторы

вскрикивали и пускали слюни, вычисляя удивительную мощь сострадания Императора. Слейн поднял бровь. То, чего прежний вирус Пожирателя Жизни добивался часами, произошло за несколько секунд. Вселенная только что стала еще более темной.

В течение нескольких минут Бойня была мертвой. И затем это случилось. Бойня ожила.

* * *

Сервиторы выдавали невозможные данные. Стопки покрытого рукописным и печатным текстом пергамента валились на палубу неаккуратными грудками. На пусковой галерее мигнули огни и взревела сирена. Где-то на "Отчаянии Императора" огромные логические машины судна изо всех сил пытались обработать скачок числа жизненных форм на планете. Дезориентированный машинный дух корабля вопил, отчего мгновенно умирали целые галереи подключенных к нему техноадептов. Большинство корабельных астропатов, приготовившихся к психической смерти планеты, скончались от шока после ее воскрешения.

Слейн был не уверен в том, что видит, но ему не нравилась бурлящая атмосфера. Газы передвигались над планетой с такой скоростью, что большая их часть преодолела силу тяжести и улетела в пространство. Рваные клочья оставшихся облаков нависли над темными континентами. Тучи стали собираться в грозные фронты, похожие на огромные струпья. Слейн никогда не видел планеты, выглядящей столь неправильно, за пределами Ока Ужаса.

— Во имя Золотого Трона, — пробормотал он, прикоснувшись к нагруднику.

Роттл засмеялся, бинарный код прозвучал необычно низким и органическим. Крик триумфа. Он перекрывал даже звук работающих воздухообменников.

Несмотря на близость наружной обшивки, Слейн первым поднял болтер. Спустя мгновение примеру капитана последовало отделение Канника. Они открыли огонь одновременно.

Град болтерных зарядов разбил керамитовую обшивку Роттла, но он продолжал заливаться смехом — нечеловечески гортанным и звучным. Болтерные заряды пробили его керамитовую и латкритовую оболочки, но Слейн уже понял, что сверхпрочный панцирь Роттла — самая маленькая из проблем.

Ошметки прежней плоти Роттла раздулись и набухли, взломав контейнеры из эластичного стекла и усыпав палубу осколками. Когда корпус Роттла под градом зарядов начал распадаться на куски и обломки, плоть раздулась и начала собираться в огромные куски жирного мяса. Там, где болты выбили куски гнилой ткани, нарастало еще больше тканей, создавая большую пузырящуюся, колышущуюся тушу.

Голосовые отростки архимагоса выстрелы разорвали на части, но триумфальный крик все еще звучал на пусковой галерее. Теперь это был хриплый, низкий рев, плотный и глубокий, как звук настроенного на бас сервитора-певца. Звук сам по себе казался смрадным. Имплантаты

Слейна напряглись, чтобы не дать ему задохнуться. Большая часть свиты Роттла либо извергала из себя собственную механическую начинку, пострадав под перекрестным огнем, либо была разорвана на куски рикошетами масс-реактивных зарядов.

Истерзанный корпус внезапно раскололся и широко открылся, изрыгнув новые органы, связки мышц и жира, а также внутренние детали механического тела Роттла.

— Стреляйте в плоть, Обрекающие Воины! — прокричал Слейн, приближаясь к груди жира и мяса. Она уже собиралась воедино.

— Обрекаем тебя! Обрекаем тебя! Обрекаем тебя! — кричали боевые братья, скандируя боевой клич ордена. Огонь болтеров усилился. Грохот, вторящий ударным волнам и магниевым вспышкам, сотрясал воздух и само судно.

Несмотря на ошметки, вырываемые из груди мяса, которая когда-то была Иеронимом Роттлом, туша уплотнилась и приняла узнаваемо гуманоидные очертания. Перед космодесантниками предстало хохочущее воплощение пагубной мерзости. Это было опухшее, раздутое существо, чьи злокачественные внутренности вываливались из разорванного брюха. Пласты гнилого жира были обернуты вокруг разлагающихся тканей и протухшего мяса этой тучной твари. Сконцентрированный болтерный огонь медленно уменьшал эту мерзкую массу, уничтожая плоть кусок за куском.

А она просто стояла и смеялась, радуясь собственному уничтожению.

— Обрекаем тебя! Обрекаем тебя! Обрекаем тебя! — кричали Обрекающие Воины, подходя на расстояние выстрела в упор. От плотного огня некоторые части существа почернели и стали хрупкими. Густо запахло горелым мясом. Когда тварь наконец рухнула, она была похожа на изорванный и растерзанный кожаный мешок. Повсюду были разбросаны куски плоти, мышцы и органов. В воздухе повисло зловоние и тяжелые запахи пара и кордита.

Это был эмиссар Нургла, чье имя было известно лишь слугам Ордо Маллеус, Святого Ордоса Имперской Инквизиции. И произносили они его лишь под психической защитой. Нечистого, являющего собой отчаяние, разложение, болезнь и смерть, на борту "Отчаяния Императора" знать не мог никто. Даже капитан Слейн никогда не сталкивался с демоном Чумного Бога.

На полу, среди запекшейся крови, лежали подвергшиеся порче губы демона. Они шевелились.

Слейн, не найдя подходящих слов, посмотрел на сержанта Канникса. Он пожал плечами, защищаемыми массивными наплечниками, как это часто делали Обрекающие Воины. Другие члены команды сделали то же самое, проверяя состояние болтеров.

Губы были живы, они высасывали звуки из воздуха и проталкивали их дальше:

— Вы вытащили меня наружу, дети мои, — хихикали губы, — Познакомьтесь со зря потраченной плотью бедного, несчастного Иеронима Роттла. Он так стремился избавиться от живого мяса. Он так до конца и не понял. — Слейн снова открыл огонь, разрывая губы на части. На палубу брызнули ошметки гнилой плоти. Но губы все равно продолжали говорить, непристойно извиваясь среди запекшейся крови. — Чтобы воздать должное хозяину, вам стоит лишь взглянуть на тело моего носителя. Вы думаете, что можете убить Иеронима Роттла, дети мои? Представьте, что в течение нескольких лет вы смотрите на мир его глазами, а затем линзами — как это делал я. — Губы сплюнули зловонный комок гнилой мокроты. Слейн почти задыхался от смрада, несмотря на имплантированные обонятельные фильтры. — Нет ничего кроме плоти, дети мои. Плоть — это жизнь, живая или мертвая.

Слейн с грохотом опустил керамитовый ботинок, почувствовав легкую неровность под ногой. Губ больше не было.

— Ну, здесь у нас плоть мертвая, капитан. — Канникс не мог не опровергнуть последние слова твари.

— Тихо, брат, — сказал Слейн. Сервиторы все еще невнятно бормотали и пускали слюни, производя свои невозможные вычисления.

Пергамент, кружась, падал на палубу из перегретых логических механизмов и поврежденных устройств вывода данных. Машинный дух Отчаяния Императора все еще стонал и кричал. Звуки сирены, звон и рев наполнили пусковую галерею оглушительным диссонансом. Что-то было все еще очень, очень неправильно.

Капитан убрал болтер и сотворил знамение имперской аквилы. Сцепив большие пальцы, он ударил в нагрудную пластину доспеха. Это было знамение приближающейся битвы.

Слейн представил, как Император прослезился на Золотом Троне. Космодесантник поклялся принести гибель темной планете внизу.

Бойня вернулась к жизни — и миллиарды немертвых воздвигли алтари Богу Разложения.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/665291>